

M. P. Кулова

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТЕКСТА ИНАЛА КАНУКОВА «ГОРЦЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ»

*Работа представлена кафедрой русской литературы в национальной школе
Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор Л. Б. Келехсаева*

В статье с применением различных методов и приемов анализа художественного текста исследуются особенности поэтики очерка Инала Канукова «Горцы-переселенцы», анализируются проблемы жанра, особенности повествования, средства речевой выразительности, объем содержания, характер пространственно-временной организации, а также способы выражения авторской позиции в тексте.

Features of poetics of the essay «Mountaineers-settlers» by Ivan Kanukov are studied in the article by means of various methods and ways of literary text analysis. The author of the article analyses problems of the genre, peculiarities of the narration, means of expression, capacity of the content, features of space-time organisation and ways of expressing the writer's position in the text.

Очерк известного осетинского писателя дохетагуровской поры Инала Канукова «Горцы-переселенцы» был впервые опубликован в 1876 г. Он представляет собой систематическое изложение личных воспоминаний автора, географически простирающихся от Владикавказа до Турции и охватывающих период от лета до зимы 1860 г.

В очерке повествуется о переселении горцев Северного Кавказа в Турцию. Это переселение, по мнению писателя, было стимулировано несколькими причинами: поражением Шамиля в Кавказской войне, слухами о том, что горцы будут призывать в солдаты, романтическими представлениями о привольной жизни в единоверной мусульманской стране.

Сам автор очерка был в числе переселившихся и, следовательно, перечувствовал те трудности, о которых писал. Таким образом, повествование характеризуется выраженной автобиографичностью.

Своим очерком И. Кануков развенчивает наивные представления горцев о рабской жизни на чужбине, с поразительной правдивостью описывая все ужасы предпринятого путешествия и показывая стремление турецких властей ассимилировать переселенцев, которых называет жерт-

вами ложных слухов, распускаемых «глупцами-фанатиками», в слепой ненависти к русским обрекающими многих своих соотечественников на нищету, бесправие и мучительные страдания в совершенно чуждой стране.

В «Горцах-переселенцах» отчетливо прослеживается взаимодействие собственно автобиографии с воспоминаниями, прерывистость и нелинейность которых обуславливает ассоциативность повествования, мозаичность композиции, совмещение разных пространственных и временных планов, семантическую множественность «я» повествователя, которое отчетливо прослеживается в своеобразном раздвоении на «я» в прошлом и «я» в настоящем.

Анализируемый текст написан от первого лица, что выражается в употреблении местоимений «я», «мы», важнейшим его признаком является установка на достоверность, о чем автор заявляет в самом начале повествования¹:

«Это переселение горцев в Турцию пишущий эти строки может тем уверенней характеризовать, что он сам был в числе переселившихся в Стамбул в 1860 году и, следовательно, перечувствовал те трудности, о которых он здесь упоминает» (с. 63).

Очерк построен как рассказ об одном событии в жизни автора. Автобиография в тексте взаимодействует, как уже было выше отмечено, с таким жанром, как воспоминание, которое значительно беллетризировано, что проявляется в эмоциональных оценках и размышлениях автора. Вот один из примеров:

«Но знают ли они (переселенцы), куда они стремятся? Нет, не знают. Они знают только, что существует где-то в мире страна, называемая Стамбулом, и что в этом Стамбуле живут такие же мусульмане, как и они сами. Они стремятся туда так безотчетно, потому что обольщены ложными слухами, что им там будет хорошо и лучше даже, чем на старой родине.

Но увы! Какое разочарование постигло этих поистине несчастных переселенцев и сколько раз слышались слова проклятий на головы тех, которые их увлекали, когда трудность дороги и действительность предстали им воочию и раскрыли им глаза, – и тогда-то, забыв недавние розовые мечты, они поняли, что обмануты, что они сделались жертвами своего легковерия, поддавшись лживым словам тех глупцов, которые уверяли их, что им будет хорошо. И вот они, по милости этих глупцов-фанатиков, теперь гибнут» (с. 64).

Этот небольшой фрагмент очерка изобилует самыми различными средствами выразительности. С целью оживления внимания читателя писатель намеренно сменяет утвердительную интонацию на вопросительную, внося тем самым разнообразие в авторский монолог и создавая посредством объективизации иллюзию диалога. Авторское негодование выражается посредством риторического восклицания: «Но увы! Какое разочарование постигло этих поистине несчастных переселенцев...». Широко используется эмоционально-оценочная лексика: *розовые мечты, глупцы-фанатики* и др. «Я» повествователя выступает в очерке не только как субъект речи, но и как объект самоописания и самоизображения. По

справедливому замечанию М. М. Бахтина, объект автобиографической прозы – «не только мир своего прошлого в свете настоящего зрелого сознания и понимания, обогащенного временной перспективой, но и свое прошлое сознание и понимание этого мира (детское, юношеское, молодое). Это прошлое осознание – такой же предмет изображения, как и объективный мир прошлого. Оба эти сознания, разделенные десятилетиями, глядящие на один и тот же мир не расчленены грубо... они оживляют этот предмет, вносят в него своеобразную динамику, временное движение, окрашивают мир живой становящейся человечностью...»².

В анализируемом тексте вторичного жанра сочетаются две точки зрения, одна из которых предполагает «прошлое осознание себя и окружающего», а другая – «настоящее зримое осознание и понимание», в результате чего в произведении объединяются и взаимодействуют два временных плана: план прошлого и план настоящего повествователя. Например: «Да и действительно, обстоятельства этой трудной дороги были таковы, что невольно заставляли переселенцев оглядываться назад...» (с. 71) (план прошлого).

«Как посмотришь теперь, да сравнишь характер современного горца и горца недавнего прошлого времени, когда еще воевал Шамиль, то подумаешь, что с тех пор, как окончилась война, прошло столетие. Температура горской крови значительно понизилась, его горячая натура сделалась более холодной, расчетливою, смотрящую на жизнь с более положительной точки зрения. Теперь, вместо того, чтобы совершать набеги вооруженными с ног до головы и пугать мирных путешественников, занялись сельским трудом, понимая то, что в противном случае придется им голодать» (с. 91–92) (план настоящего).

Поскольку жанр представляет собой одну из категорий поэтики, в основе его выделения лежит представление об опреде-

ленном стандарте произведений. «Жанры... есть исторически сложившиеся типы художественных произведений»³. Как известно, жанры различаются особенностями композиционной организации текста, типом повествования, объемом содержания, характером пространственно-временной организации, художественными приемами и принципами использования речевых средств. «Каждый жанр обладает своими способами, своими средствами видения и понимания действительности, доступными только ему»⁴. Так, для развертывания воспоминаний в тексте «Горцев-переселенцев» широко используется традиционный сигнал воспоминаний «помнить». Например:

«Помню, как наконец его отыскал наш холоп, вытащил на гумне из-под соломы...» (с. 68); «Помню я, как девушки на привалах в нарядных платьях собирались посреди ароб чуть свет и танцевали до изнеможения» (с. 71); «Как помнится, нам отвели квартиру на горе, в доме одного муллы...» (с. 81).

Данный традиционный сигнал дополняется глаголом *вижу*, обозначающим процесс зрительного восприятия картин прошлого:

«Как теперь *вижу* я печальную фигуру дорогой матери, которая сидит у постели больной моей сестры...» (с. 80).

Иногда И. Кануков вместо глагола *видеть* употребляет слово *картина*.

«Еще *картина*. Арбы мы давно покинули где-то, по невозможности далее с ними возиться...» (с. 77).

При этом следует заметить, что образная формула «воспоминание – картина» последовательно реализуется в исследованном тексте, а сам процесс воспоминания представляется, с одной стороны, как взгляд в прошлое, а с другой – как оживление былого силой поэтического воображения. Это оживление достигается за счет активнейшего употребления форм глагола настоящего времени. Таким образом, текст строится на своеобразных взаимопереходах от форм прошедшего времени к формам настоящего исторического, актуализирующим сообщение об отдельных ситуациях прошлого. Например:

«Вот, наконец, *потянулись* ровные поля почти без растительности; *попадаются* курды с остроконечными шапками и огромнейшими кинжалами, *сморят* особенно свирепо и все *угрожают* кинжалами» (с. 83).

В результате линейность биографического, мемуарного времени сменяется последовательностью картин прошлого.

Итак, жанрообразующие речевые сигналы в проанализированном очерке представляют собой систему. Каждый из ее элементов связан с другим, их отношения упорядочены. Очерк представляет собой автобиографический текст, построенный в виде рассказа об одном из важнейших событий в жизни автора и характеризуется ретроспективной установкой, выражющейся в воспоминаниях о прошлом, беллетризованных эмоциональными оценками и размышлениями писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кануков И. Сочинения. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1963. 372 с.
Далее текст цитируется по данному изданию.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 398.

³ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций. СПб., 1996. С. 384.

⁴ Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928. С. 175.